

Резьянский диалект и грамматикализация славянского глагольного вида

Розанна Бенаккьо

Падуанский университет, Падуа

Когда я получила приглашение поучаствовать в конференции, посвященной юбилею Люблянского университета и Отделения славистики (первоначально: Семинар славянской филологии) и, в частности, научному наследию Райко Нахтигала, я искренне обрадовалась и сразу же приняла приглашение.

Я так отреагировала, поскольку вспомнила, что у профессора Райко Нахтигала учился профессор Наталино (Божидар) Радович, долго преподававший славянскую филологию именно в Падуе (примерно с 1970 до 1992), и которого у нас на Кафедре все и до сих пор вспоминают с благодарностью как Учителя.

По свидетельству всех, кто знаком с ним и его работами, в нем ощущалось нечто «необыкновенное» для итальянской славистики, которая связана скорее с филологическими исследованиями древних славянских памятников письменности (текстологического характера), чем с лингвистическими. Радович был представителем другой традиции, которая через Люблянскую школу и Нахтигала уходила своими корнями прямо к Венской школе В. Ягича и В. Вондрака, где придавалось одинаково большое значение как изучению древних памятников письменности, так и изучению языковых явлений в сравнительно-историческом ракурсе. Имею в виду прежде всего работу *Slovanski jeziki* 1938 (1952²) Р. Нахтигала, которая, несомненно, повлияла на I том *Profilo di linguistica slava* 1969 Н. Радовича (*Grammatica comparativa delle lingue slave*), являвшимся на итальянской славистической сцене того времени своего рода уникалом.

Ключевые слова: славянский глагольный вид, грамматикализация вида, сравнительный анализ, резьянский диалект

Мой доклад относится к области сравнительно-исторических исследований славянских языков и посвящен резьянскому диалекту, занимающему, как известно, немаловажное место в сравнительной славистике благодаря своей периферийной позиции в славянском ареале (см. Benacchio 2002).

В таком (сравнительном) ракурсе мы уже обращались к другим морфосинтаксическим чертам резьянского диалекта, таким, как клитики (их местоположение в предложении), артикль (определенный, а также неопределенный) и т.д. (см. Benacchio 1996, 1998, 2002).

Теперь нам бы хотелось обратиться к исследованию вклада резьянского диалекта в изучение эволюции и грамматикализации вида глагола в славянских языках.

Как и в предыдущих работах (см. особенно Бенаккьо, Стэнвейк 2017), анализ проводится на материале корпуса, собранного Х. Стэнвейком в населенном пункте Сан-Джорджо (по-резьянски – Била) (Steenwijk 1992:237–338). Данные дополняются материалом из Steenwijk 2005 (из того же говора Сан-Джорджо).

1 Префиксация

В резьянском диалекте исконно славянские терминативные бесприставочные глаголы участвуют в процессе образования видовых пар в основном посредством префиксации: наряду с основной, бесприставочной, производящей формой глагола (чаще всего НСВ), появляется целый ряд производных форм (СВ), образованных посредством разных приставок. Эти дериваты могут образовывать видовые гнезда, которые содержат до десяти (и больше) глагольных форм СВ.

Только в некоторых случаях новая приставочная форма образует пару с исконной бесприставочной, и мы имеем дело с т.н. «префиксальными видовыми коррелятами».¹ Это происходит, согласно т.н. «принципу Vey-Schooneveld», тогда, когда семантика префикса и производящего глагола совпадают и значение префикса (чаще всего пространственное, но также и временное, и даже более отвлеченное, метафорическое) как бы стирается, нейтрализуется. В этих случаях вторичная имперфективация не нужна и не появляется.

Обычно можно говорить только об одной «пустой» приставке, хотя бывают случаи, когда на такую роль могут претендовать две, реже и три приставки.² В большинстве случаев, однако, приставки придают базовой форме определенное лексическое значение, и новый приставочный глагол совершенного вида обязан образовать парный глагол, т.е. создать свой коррелят несовершенного вида посредством т.н. вторичной имперфективации.

Легко увидеть, что резьянский диалект (по крайней мере, в области исконной лексики) ни в чем не отходит от общих принципов славянской

1 См. также термин «естественные перфективы» (Natural Perfectives), противопоставляемый термину «специализированные перфективы» (Specialized Perfectives), употребляемые в работах Л. Янды (см. Janda et al. 2013).

2 Такое явление, хорошо известное и в русском языке, стало предметом пристального внимания в исследованиях последних лет, ведущихся на языковом материале, находящемся в Интернете и в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) в частности. Среди них особое место занимают исследования группы CLEAR о вариативности приставок (Prefix Variation), См. Janda et alii 2013:139–162. См. по этому поводу Зализняк, Микаэлян 2012 (перепечат. в книге Зализняк, Микаэлян, Шмелев 2015:261 и сл.), Петрухина 2014:259 и др.

глагольной деривации, касающейся грамматикализации (точнее, префиксации) категории глагольного вида. В качестве примера, приведем следующее словообразовательное гнездо, образованное на основе простого глагола (simplex) *pīsat*:

<i>pīsat</i> _{НСВ}	‘писать / написать’
<i>napīsat</i> _{СВ}	
<i>pripīsat</i> _{СВ}	‘переписать / переписывать’
<i>pripīšūwat</i> _{НСВ}	
<i>zapīsat</i> _{СВ}	‘записать / записывать’
<i>zapīšūwat</i> _{НСВ}	
<i>puḍpīsat</i> _{СВ}	‘подписать / подписывать’
<i>puḍpīšūwat</i> _{НСВ}	

Нетерминативные бесприставочные глаголы также могут порождать производные формы СВ посредством префиксации. В данном случае, однако, приставочные глаголы обозначают способы действия. Это в основном префиксы *za-* (инхоативный с.д.) и *po-* (делимитативный с.д.). См.:

<i>pēt</i> _{НСВ} > <i>zapēt</i> _{СВ}	‘петь > запеть’
<i>jökāt</i> _{НСВ} > <i>pojökāt</i> _{СВ}	‘плакать > поплакать’

Однако такие случаи появляются редко, намного реже, чем в русском языке. См. интересные наблюдения С. Дики и Дж. Хатчесон о том, что в то время как в восточнославянских языках, употребление префикса *za-* с инхоативным значением распространилось широко, в других славянских языках это произошло в гораздо меньшей мере. По их мнению, это связано с различным значением, которое категория вида (точнее, СВ) проявляет в этих двух группах славянских языков:

In Russian (Ru), Ukrainian (Uk), Belarusian (BR) and Bulgarian (Bg), *za-* is highly productive as an ingressive prefix. Farther to the west, its productivity decreases, so that Serbian/Croatian (S/Cr), Slovene (Sn) and Polish (Pol) have fewer such verbs, and Czech (Cz) and Slovak (Sk) use *za-* to derive very few specifically ingressive verbs at all (rather, *za-* is primarily a totalizing prefix) (Dickey, Hutcheson 2003:23).

Подобная ситуация, по мнению двух ученых, характеризует делимитативный префикс *po*, очень распространенный в русском языке, но

редко появляющийся в чешском (кстати, здесь он появляется в основном в соединении с возвратным местоимением): «Thus, Sn and S/Cr share a low productivity of delimitatives in *po-* with Cz and Sk, in contrast to Bg and Ru» (Dickey, Hutcheson 2003:27).

Механизм префиксации в резьянском диалекте мы проиллюстрируем ниже на основе тех префиксов, которые представляются более интересными с точки зрения процесса грамматикализации славянского вида. Это префиксы *z-/s-*, *w-*, *po-/pu-* и *za-*. Об остальных префиксах см. подробно в Бенаккьо, Стэнвейк 2017.

Самый частотный (встречается примерно 100 раз в корпусе) это префикс *z-/s-*. Это самая распространенная приставка в резьянском диалекте, играющая роль «пустого», префикса, придающего исконному (терминативному) глаголу только резульативное значение. Он является результатом слияния двух праславянских префиксов, т.е. **jbz-* и **sъ-* (и, хотя в меньшей мере, **vъz-*) (см. об этом Ваяс 1959; Dickey 2005). Как принято считать, первому префиксу была свойственна семантика элативного типа, а второй мог выражать два разных значения: центростремительное значение (ср. предлог с творительным падежом) и значение аблативно-нисходящее (ср. предлог с родительным падежом).

Резьянский диалект в этом отношении полностью придерживается модели словенского языка. В самом деле, как убедительно показал С. Дикий, в этом языке (подобно славянским языкам западной группы, как чешский, словацкий, серболужицкий и, отчасти, польский) в качестве «пустого» префикса грамматикализировался именно *z-/s-*, в отличие от восточнославянских языков (вместе с болгарским и македонским) где с данной функцией зафиксировался скорее префикс *no-* (Dickey 2000, 2005).

То же самое мы наблюдаем в резьянском диалекте: префикс *z-/s-* чаще других префиксов употребляется с чистовидовым, резульативным значением. За ним можно иногда ‘увидеть’ исконное значение одного или другого префикса (**jbz-* или **sъ-*), семантически совпадающее со значением бесприставочного глагола, но такие случаи редки. Например, в следующих глаголах, приставка, как нам кажется, могла бы отражать праславянский **jbz-* (ср. предлог с род. падежом): *cidit / scidit* <*minjěstro, mliku*> ‘цедить / процедить <бульон, молоко>’; *cipit / scipit* <*dyrgwa*> ‘рубить / нарубить <дрова>’; *mлатит / zmlатит* <*böb*> ‘молотить / обмолотить (фасоль)’; *kašjat / skašjat* ‘кашлять / кашлянуть’, в то время как в следующих отражается скорее префикс **sъ-* (ср. предлог с твор. падежом): *blodit / zblodit* <*wödo*> ‘мутить / помутить (воду)’; *mystit / zmystit* <*karćufule*> ‘разминать / размять (картошку)’; *mišat / zmišat* <*minjěstro, tušnik*> ‘мешать / помешать <суп, кашу>’.

Однако такие предположения не доказуемы и не столь важны: современный префикс полностью грамматикализован и выражает просто результативное значение. См. также следующие глаголы: *grabät / zgrabät* <*köžo*> ‘царапать / поцарапать <кожу>’; *krivît / skrivît* <*ružyc*> ‘гнуть / согнуть <нож>’; *rüwat / zrüwat* <*karćufule*> ‘копать / выкопать <картошку>’; *trest / strest* <*jabulke dölu wod jarbula*> ‘стрясти/стрясать <яблоки с дерева>’; *gorët / zgorët* ‘гореть/сгореть’.

Второй по частотности глагольный префикс в принятом нами во внимание материале – это *w-*, который, в силу особого фонетического развития резьянского диалекта (говора Билы), может отражать как праславянский префикс **u-* (в большинстве случаев: примерно 70 раз), так и **o-/obъ-*, о котором будет сказано ниже, а также (хотя намного реже) **vъ⁻³*, и **vъz⁻⁴*.

Префикс *w-* (<**u-*>) также полностью грамматикализован и присоединяется не только к глаголам, выражающим «удаление» (и вообще отчуждение), но и к другим терминативным глаголам. Такое частое употребление, появляющееся в диалекте, который, как было сказано выше, обладает разными архаичными чертами, поддерживает мнение С. Дики, считающего **u-* первым славянским «пустым» префиксом, у которого только на более поздней диахронической стадии развития появилась типичная семантика «удаления от чего-то», которая характеризует его, например, в современном русском языке (Dickey 2015; см. также Klenin 1983). См., напр: *brisat / wbrisat* <*plate*> ‘вытирать / вытереть <посуду>’; *plivit / wplivit* <*wyr*> ‘полоть / прополоть <огород>’; *robit / wrobit* <*jarbul*> ‘рубить / срубить <дерево>’; *bižat / wbižat* ‘убежать / убежать’, *mrit / wmrit* ‘умирать / умереть’.

Проанализированные до сих пор префиксы являются чистовидовыми, т.е. они образуют пару с бесприставочным глаголом. Никакой вторичной имперфективации у них не появляется, так как никакого нового «специализированного» лексического значения они не порождают.

Префиксы, которые мы рассмотрим дальше, наоборот, выполняют разные функции: иногда бывают чистовидовыми, иногда специализированными, а иногда они выражают способы действия. Поэтому для каждого префикса будем представлять отдельно эти три случая.

Префикс *po-/pu-* занимает только третье место по частотности (встречается примерно 50 раз) в нашем корпусе. Как и предыдущие префиксы, он тоже

3 Было обнаружено всего три случая ‘прозрачной’ деривации с помощью этого префикса: *gryzt / wgrzyt* ‘грызть / прогрызть’ (где префикс имеет чистовидовую функцию) и *wlyt / wliwat* ‘вливать / влить’, *wlëst / wlažat* ‘войти / входить’ (где префикс имеет специализирующую функцию).

4 Всего два ‘надежных’ случая: *wzdignut* ‘воздвигнуть’ (см. Вајес 1959:112) и *wstāt* ‘встать’. По поводу этого префикса, вполне возможно, что он, хотя и ‘скрыто’, появляется и в виде префикса *z-/s-*, но и в данном случае трудно назвать формы с прозрачной деривацией (см. Вајес 1959:112).

может играть важную роль в процессе перфективации глаголов, образуя «естественные перфективы». См., напр.: *znät / poznät* ‘знать / познать’; *kazat / pokazat* ‘показывать / показать’; *mislit / pumislit (si)* ‘думать / подумать’; *dijat / pudijat* ‘нюхать / понюхать’.

Однако такие случаи довольно редки. Скорее всего, в резьянском диалекте этот префикс сохраняет (как нам кажется, больше, чем в русском языке) сильный оттенок делимитативности. Более того, он часто ‘конкурирует’ с другими префиксами, которые считаются информантами более нейтральными, и более употребительными в качестве «пустой» приставки. См. напр., следующую пару *süšit / pusüšit <möćanjë>* ‘выпаривать/ выпарить <воду из соуса> [букв. сушить соус]’ наряду с парой *süšit / wsüšit <sënu>* ‘сушить / высушить <сено>’. Оба префикса образуют перфективные формы, являющиеся коррелятами беспрефиксного глагола *süšit* ‘сушить’. Значения двух приставочных глаголов, однако, разные: глагол, образованный путем префикса *pu-*, несмотря на то, может считаться естественным перфективом, всё-таки сохраняет оттенок делимитативности, и употребляется для обозначения недлительного действия. Наоборот, префикс *w-* выражает «настоящее» результативное значение.

Подобное явление наблюдается с приставочными глаголами, образованными от глагола *časät*. Форма СВ, образованная посредством префикса *po-* (*ročasät*), имеет значение сходное с формой, образованной посредством префикса *s-* (*sčasät*), а именно ‘расчесать / расчесывать волосы’. Однако только последний глагол имеет полную парадигму, в то время как от глагола *ročasät*, не образуются, например, причастные формы на *-n*.

О настоящих делимитативных способах действия можно говорить в отношении следующих глагольных образований от нетерминативных глаголов: *ročakat (om čakat)* ‘подождать’ и *pojökat (от jökat)* ‘плакать / поплакать’, которые, однако, не очень употребительны.

Что касается префикса *za-*, который достаточно хорошо представлен в резьянском диалекте (встречается примерно 40 раз), мы нашли мало случаев употребления его в чистовидовой функции. См.: *štokat / zaštokat <klobasico>* ‘прокалывать/проколоть <сардельку>’, где исконное пространственное значение префикса (которое можно определить как «преодоление предела при движении за сам предел») ‘сливается’ со значением базового глагола.

В большинстве случаев префикс имеет специализирующую функцию, и производный перфективный глагол создает себе партнера несовершенного вида посредством вторичной суффиксации. См.: *byt > zabyt / zabiwat*

<žrěbej> ‘забить / забивать <гвоздь>’; *wrěc* > *zawrěc* / *zawuržüwat* <*din stari gužuč*> ‘бросать / выбросить <старый нож>’.

Префикс *za-* также может выражать начинательный способ действия. Это касается в основном глаголов деятельности, передающих звуки. См., например: *wpyt* > *zawpyt* ‘кричать / закричать’; *pět* > *zapět* ‘петь / запеть’; *garmět* > *zagyrmnut* ‘греть / загреть’.

Следует отметить, что в данных случаях, кроме префикса, к базовому глаголу прибавляется и семельфактивный суффикс *-nu-*, и этот вариант считается информантами предпочтительным: *blejat* > *zablejnut* / *?zablejat* ‘блеять / заблеять’; *lajat* > *zalajnut* / *?zalajat* ‘лять/залаять’.⁵

2 Суффиксация

Для создания видового коррелята терминативные бесприставочные исконно славянские глаголы резьянского диалекта могут прибегать к суффиксации, играющей имперфектизирующую функцию. Это ‘первичная имперфективация’ по определению Исаченко (1960:170). Исходный бесприставочный глагол играет роль перфективного члена пары (выражающего достижение предела однократного действия), а новый, также бесприставочный – имперфективного (выражающего процесс, ведущий к пределу или многократность).

Имперфективация может реализоваться прибавлением суффикса *-a-*, хотя чаще суффикс реализуется как *-wa-* (или *-ja-*), где *w* (или *j*) является вставным («эпентетическим») элементом, устраняющим хиатус (Исаченко 1960:193).⁶ Нужно добавить также, что очень часто происходит палатализация согласного, который предшествует суффиксу. Могут появляться и другие изменения в корне, отражающие фонетическое развитие характерные для сложного резьянского вокализма. См.:

<i>püšcat</i> _{нсв} ← <i>püstit</i> _{св}	‘пускать / пустить’
<i>strijat</i> _{нсв} ← <i>strilit</i> _{св}	‘стрелять / выстрелить’ ⁷

5 Такое, совсем не редкое, явление, требует отдельного исследования совместно с изучением суффикса *-nu-*, также играющего важную роль в процессе грамматикализации глагольного вида в резьянском. Этой теме будет посвящена отдельная работа.

6 Случай первичной суффиксации посредством суффикса *-iwa-* совсем редки (точно так, как было редким, употребление суффикса *-ova-* в такой функции в старославянском языке (Schwyt 1990:7, 29–34 e passim). Это в основном глагол *kupüwat*_{нсв} ← *küpiti*_{св} ‘покупать / купить’ присутствующий в той же форме уже в старославянском, и сохранившийся также в словенском (*kupovati* / *kupiti*) и в сербо-хорватском (*kupovati* / *kupiti*). См. также *skučüwat*_{нсв} ← *skučyti*_{св} ‘прыгать / прыгнуть’ и т.д.

7 См. работу Плуниан (2015) о двухосновной перфективации в русском языке, как раз по поводу такой «аномальной» пары *стрелять* / *выстрелить*. В древнерусском языке форма *стрѣлити* существовала, как форма СВ, и сохраняется как в украинском (*стрілити*) и белорусском (*стрэліць*) так и в русских диалектах.

<i>šīwat</i> _{НСВ} ← <i>šyt</i> _{СВ}	‘шить / сшить’
<i>gnjīwat</i> _{НСВ} ← <i>gnjyt</i> _{СВ}	‘гнуть / сгнуть’
<i>obaćawat</i> _{НСВ} ← <i>obaćät</i> _{СВ}	‘обещать / пообещать’
<i>dajat</i> _{НСВ} ← <i>dät</i> _{СВ}	‘давать / дать’
<i>gnīwat</i> ^{НСВ} (se) ← <i>gnüt</i> ^{СВ} (se)	‘двигать(ся) / двинуть(ся)’

По поводу последнего глагола, который соответствует старославянскому глаголу *гънѣти* (см. русск. *гнуть / согнуть*), стоит напомнить следующее интересное замечание С. Дики о том, что в то время как в восточнославянских и в некоторых западнославянских современных языках этот глагол является глаголом НСВ (см. в русском языке видовой коррелят с префиксом *c-*), в других языках, т.е. в чешском, сербо-хорватском, словенском языках данная форма до сих пор является формой СВ (Dickey 2001:40). Свидетельство резьянского диалекта подтверждает еще раз мнение американского ученого, считающего, что вообще западно-славянские языки используют суффикснчаще всего в качестве нейтрального перфективирующего способа, в то время как восточно-славянские языки предпочитают префиксацию как способ перфективации: здесь данный суффикс выступает скорее как специфический способ выражения семельфактивно-моментального значения.

Первичная имперфективация является остатком более древнего этапа процесса грамматикализации глагольного вида, когда имперфективирующий суффикс *-a-* находился «на грани» акциональной (фреквентативно-дуративной) и аспектуальной функций (см. по этому поводу Mayo 1985:20). В целом, примеры такой суффиксации в резьянском диалекте редки, хотя, как показано выше, они появляются чуть чаще, чем в русском языке.

3 Итоги

Итак, если принимать во внимание способы грамматикализации вида (точнее, образования видовых пар) исконно славянских глаголов, наблюдается полное совпадение с общими принципами глагольной деривации, действующими для большинства славянских языков. Это, например, перфективация посредством префиксации, а также первичная и вторичная имперфективация посредством суффиксации).

Такое совпадение имеет немаловажное значение для диахронического изучения категории славянского глагольного вида, если учитывать периферийность (а также некоторую изолированность) этого диалекта, отличающегося своей архаичностью, а также тем, что он представляет собой «малонормированный» языковой вариант, не основанный на

продолжительной, авторитетной письменной традиции, передаваемый в основном в устной форме.

Иными словами, присутствие столь «солидной» типично славянской модели глагольной видовой деривации (опирающейся на префиксацию и суффиксацию) заставляет нас думать, что такая модель была уже глубоко «заложена» у славянского населения, которое переселилось в резьянскую долину примерно в IX–XI веках (возможно, и раньше, с VII века), тем самым подтверждая гипотезу, что «ядро» славянской видовой системы сформировалось в праславянскую эпоху, еще до распада балто-славянской общности (см. об этом Wiemer 2017, а также обзор литературы по этому вопросу в Ruvoletto 2016:5–29).

Более того, свидетельство резьянского можно считать ключевым при установлении различных этапов диахронического (и географического) развития славянского вида, при этом во многих отношениях подтверждая т.н. East-West Theory of Slavic Aspect, принадлежащую к Стивену Дики (см. особенно Dickey 2000).

Имеется в виду прежде всего более широкое употребление префикса *и-* (а также *z-/s-*) как «пустого префикса» с чисто результативным значением в нашем диалекте (вместе с другими западными), чем в восточных славянских языках, где, по мнению американского ученого, развивался другой «тип» вида, основанный скорее на темпоральной определенности, чем на целостности.

Та же самая теория предполагает меньшую степень развития способов действия в западных славянских языках, чем в восточных. В самом деле, как было сказано, способы действия делимитативный или инхоативный, образованные от нетерминативных глаголов с помощью префиксов *po-* или *za-* появляются очень редко в резьянском диалекте. Более того, иногда делимитативное и инхоативное значения представляются настолько ослабленными, что замечается нейтрализация этих двух префиксов (функций), которые ведут себя просто как результативные глаголы СВ. См. почти синонимическое употребление от глагольных форм *zazibat* и *pozibat* (< *zibat*) '(по)качать': *Na ga zazibala no malo* и *Na ga pozibala no malo* имеют одинаковое значение 'Она его немного покачала'; то же самое по поводу следующих двух императивных конструкций *Zazibaj ga!* и *Pozibaj ga!* 'Покачай его!'

Свидетельство резьянского диалекта может оказаться значимым и по отношению к другому способу действия, т.е. к семьelfактивному, передаваемому вообще в славянских языках посредством суффиксов, восходящих к **-no-* (а также, хотя это спорный вопрос, посредством префикса, восходящего к

праславянскому **jbz-*. По этому поводу, точнее по поводу статуса данного суффикса, существуют разные мнения, как показывают и дискуссии, появившиеся особенно в последние годы (см. особенно Dickey 2001; Плунгян 2000; Соколова 2015; Горбова 2016).

Речь идет о том, насколько трудно четко отличить у этих глаголов значение однократности от значения результативности (первое часто ослаблено и смыкается со вторым). Более того, работа над НКРЯ показала, что в живом разговорном русском языке все более и более развивается тенденция к употреблению суффикса *-ну-* как «всеобщего» «универсального» показателя перфективности, т.е. как с функцией передачи семельфактивности, так и создания естественных перфективов, а также для выражения делимитативности.

В резьянском диалекте также, как нам кажется, суффикс *-ни-* обладает достаточно сложной семантикой. Более углубленное изучение использования этого суффикса в этом диалекте, не подверженном нормативизации, может привести к большей ясности в понимании того же феномена в русском и в других славянских языках, в которых только недавно (благодаря языковым корпусам и новым корпусным лингвистическим исследованиям) были обнаружены факты, до сих пор не принимавшиеся во внимание.

На данный момент напомним только об одном феномене (указанном выше), а именно о наличии глаголов (в основном со значением звука), которые образуют форму СВ, с чисто результативным значением, при помощи комбинации префикса *za-* и суффикса *-ни-*. Подобное явление зафиксировано Дики в чешском и в других западнославянских языках (Dickey 2001), оно также имеет место в сербо-хорватском (но практически отсутствует в словенском). Именно поэтому этот феномен в резьянском имеет особое значение и должен быть изучен.

Резьянский диалект может представлять интерес и с других точек зрения, так же подтверждая результаты корпусных исследований о славянских языках и способствуя распространению более гибкого подхода к описанию языковых явлений. В частности, я имею в виду два феномена, часто появляющиеся в резьянском диалекте: феномен видовых троек (см. *wüçit / nawüçit / nauçüwat* ‘учить / научить’; *jëst / snëst / snadat* ‘есть / съесть / съесть’; *mazat / namazat / namažüwat* ‘мазать / намазать’; *muçyt > namuçyt / namuçüwat* ‘замочить/замачивать’), а также феномен образования от простого, базового глагола более одного видового коррелята СВ. См., напр., *tičät / stičät* ‘жечь / сжечь (дрова)’ наряду с *tičät / zatičät* ‘подбрасывать / подбросить дров в огонь’; *mazat / namazat <köžo>* ‘мазать/ намазать <кожу>’ и *mazat / zmazat <däsko>* ‘смазывать / смазать доску’; *trest / potrest <wotrokä, da se zbüdi>*

‘трясти/потрясти <[спящего] ребенка, чтобы проснулся>’ наряду с названной выше парой *trest / strest* <*jabulke dölu wod jarbula*> ‘стрясти/стряпать <яблоки с дерева>’.

Оба эти явления долгое время считались периферийными в отношении видовой системы русского языка, которая традиционно основывалась на понятии регулярной видовой парности и, в целом, не принимались во внимание и в грамматических описаниях других славянских языков. Сравнение с данными из нашего диалекта, представляющего, как мы видели, все типичные черты «славянского» глагольного вида, может оказаться полезным для понимания и принятия этих явлений, как явлений, принадлежащих к системе «живого», «естественного» языка.

Литература

- Бенаккьо, Р., Стэнвейк, Х., 2017: Грамматикализация глагольного вида в резьянском диалекте: исконно-славянская и романская лексика». R. Benacchio, A. Muro, S. Slavkova (eds.), *The role of prefixes in the formation of aspectuality. Issues of grammaticalization*. Firenze, Firenze University Press, 23–39.
- Горбова, Е., 2016: Русские семельфактивы и прототипическая алломорфия. *Russian Linguistics* 40, 57–78.
- Зализняк, Анна А., Микаэлян, И.Л., Шмелев, А.Д., 2015: *Русская аспектология: в защиту видовой пары*. Москва: Языки славянской культуры.
- Исаченко, А.В., 1960: *Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология*. Братислава: Изд. Словацкой Академии Наук.
- Петрухина, Е.В., 2014: Русский вид как морфологическая деривационная категория в контексте современных исследований видовой коррелятивности. *Scandoslavica* 54, 253–274.
- Плунгян, В., 2000: ‘Быстро’ в грамматике русского и других языков. Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин. *Слово в тексте и в словаре: Сб. статей к 70-летию акад. Ю.Д. Апресяна*. Москва. Языки русской культуры, 212–223.
- Плунгян, В., 2015: Двухосновная перфективация в русском языке: морфология и семантика. М. Китajo. *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития*. Kyoto: Universitet Kioto Sange, 21–26.
- Соколова, С., 2015: «Rabotnul na slavu – Gul’ni smelo!». “Nu” as a universal aspectual marker in non-standard Russian. М. Китajo. *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития*. Kyoto: Universitet Kioto Sange, 271–277.

- Bajec, A., 1959: *Besedotvorje slovenskega jezika. IV. Predlogi i Predpone*. Ljubljana: Slovenska Akademia Umetnosti.
- Benacchio, R., 1996: A proposito dell'articolo determinativo in sloveno: la testimonianza del Catechismo resiano del Settecento. R. Benacchio e L. Magarotto. *Studi slavistici in onore di N. Radovich*. Padova: CLEUP, 1–16.
- Benacchio, R., 1998: Obliko-skladenjske posebnosti rezijanščine. *Slavistična Revija* 46/3, 249–259.
- Benacchio, R., 2002: *I dialetti sloveni del Friuli tra periferia e contatto*. Udine: Società Filologica Friulana.
- Dickey, S. M., 2000: *Parameters of Slavic Aspect: A Cognitive Approach*. Stanford: CSLI.
- Dickey, S. M., 2001: “Semelfactive” –nq- and the Western Aspect Gestalt. *Journal of Slavic Linguistics* 9/1, 25–48.
- Dickey, S. M., 2005: S-/Z- and the Grammaticalization of Aspect in Slavic. *Slovenski Jezik. Slovene Linguistic Studies* 5, 3–55.
- Dickey, S. M. 2015: *Parameters of Slavic Aspect Reconsidered: The East-West Aspect Division from a Diachronic Perspective*. M. Shrager, et al., *Studies in Accentology and Slavic Linguistics in Honor of Ronald F. Feldstein*. Bloomington IN: Slavica Publishers, 29–45.
- Dickey, S. M., Hutcheson, J.: 2003. Delimitative Verbs in Russian, Czech and Slavic. R. A Maguire, A. Timberlake, *American Contributions to the 13th International Congress of Slavists. 1: Linguistics*: Bloomington, 23–36.
- Janda, L. et alii, 2013: *Why Russian Aspectual Prefixes aren't empty. Prefixes as Verb Classifiers*. Bloomington Indiana: Slavica Publishers.
- Klenin, E., 1983: Verbs of motion prefixed in U- in Old and Modern Russian. V. Markov, D. Worth. *From Los Angeles to Kiev. Papers on the occasion of the Ninth International Congress of Slavists*, Columbus Ohio: Slavica Publishers, 155–168.
- Mayo, P. J., 1985: *The morphology of aspect in seventeenth-century Russian (based on texts of the Smutnoe vremja)*. Columbus Ohio: Slavica Publishers.
- Ruvoletto, L, 2016: *I prefissi verbali nella Povest' vremennykh let. Per un'analisi del processo di formazione dell'aspetto verbale in russo*. Firenze: Firenze University Press.
- Schuyt, R., 1990: *The morphology of Slavic verbal aspect. A descriptive and historical study* [Studies in Slavic and general linguistics 14]. Amsterdam - Atlanta GA: Rodopi.
- Steenwijk, H., 1992: *The Slovene dialect of Resia. San Giorgio* [Studies in Slavic and General Linguistics 18]. Amsterdam - Atlanta GA: Rodopi.

Steenwijk, H., 2005: *Piccolo dizionario ortografico resiano/Mali bisidnik za tö jošt rozajanskë pisanjë*. Padova, CLEUP.

Wiemer, B., Seržant, A., 2017: Diachrony and typology of Slavic aspect: What does morphology tell us? W. Bisang, A. Malchukov. *Unity and diversity in grammaticalization scenarios* [Studies in Diversity Linguistics 16] Berlin: Language Science Press, 239–307.

Summary: Resian and the Grammaticalization of Verbal Aspect from a Comparative Slavic Point of View

Resian, together with the Torre and Natisone dialects, belongs to the group of Slovene linguistic minorities present in Friuli, North-Eastern Italy, along the border with Slovenia. Although exposed to influence exerted by the Romance linguistic area for centuries, the dialect has been preserved rather well, much more so than the remaining Slovene dialects spoken in Friuli. For this reason, from the beginnings of Slavistics, Resian has attracted the attention of scholars who produced numerous studies on the subject. Because of its peripheral position within the Slavic linguistic area, Resian holds a very important position also for Slavic comparative studies, especially with regards to the study of the dual, the imperfect and the pluperfect, the development of the clitics (syntactical position, clitic doubling), the presence of the definite and indefinite article in Slavic languages etc.

In this paper the grammaticalization process of verbal aspect will be analysed from a comparative Slavic point of view. It will be shown that in Resian, the derivational characteristics common to the Slavic languages are well represented (e.g., primary and secondary imperfectivization by means of suffixes and perfectivization by means of prefixes). On the other hand, this dialect also contains some traits that play a crucial role for identifying various diachronical stages of Slavic verbal aspect: a more frequent use, in comparison with other Slavic languages, of suffixes, of the prefixes *u-* (and *z-/s-*) as “empty prefixes” that convey only a resultative meaning etc.

Key words: Slavic verbal aspect, grammaticalization of aspect, comparative analysis, Resian dialect